

Волдеморт вернулся. На этот раз Тёмный Лорд не стал скрываться, ознаменовав своё пришествие громко и жестоко.

Взрыв мемориальной статуи и свидетельства очевидцев из Годриковой Впадины заставили даже самых закоренелых скептиков признать: безумец действительно восстал из мертвых. Столкнувшись с неопровержимыми фактами, Корнелиус Фадж, и без того изнурённый чехардой с дементорами, больше не нашёл в себе сил скрывать правду. На следующий же день после битвы Гарри с Волдемортом министр опубликовал в «Ежедневном пророке» официальное заявление. Он объявил всей магической Британии о возвращении Тёмного Лорда, призвал к бдительности и сплочению всех благородных семей и общественных организаций. За закрытыми дверями Фадж встретился с Дамблдором, заверив, что если Орден Феникса предпримет решительные действия, Министерство обеспечит полную поддержку силами мракоборцев.

Люциус Малфой, возглавив группу слизеринских аристократов, также выступил с открытым письмом. Древние дома объявили, что считают Волдеморта позором Слизерина и не останутся ни перед чем, чтобы смыть это пятно с репутации факультета. Перед камерами репортёров Люциус демонстративно обнажил левое предплечье: чистая кожа без следов Чёрной метки заставила публику поверить легенде о том, что в прошлом род Малфоев действовал лишь под принуждением. Гилдерой Локхарт тоже не остался в стороне — он убедил потомственных нейтралов-рэйвенкловцев примкнуть к сопротивлению, а его пламенная речь в газетах, полная драматизма, заставила многих осознать: пассивность сегодня означает гибель завтра.

В кабинете директора Дамблдор и главы факультетов долго совещались с Основателями. В итоге Хогвартс принял беспрецедентное решение: обычные занятия прекращались, а школа официально закрывалась. Тем не менее, двери оставались открытыми для старшекурсников, пожелавших остаться и сражаться. Попечительский совет вместе с Министерством магии и Аколитами Гриндевальда организовали безопасную эвакуацию для маглорождённых учеников и их семей: им предоставили убежище в Германии до тех пор, пока угроза не будет ликвидирована. Однако многие юные волшебники, отправив родителей в безопасное место, сами предпочли остаться в замке. Вопреки ожиданиям, большинство студентов Хаффлпафа и Рэйвенкло, обычно сторонящихся войн, выразили готовность защищать родную школу.

Глядя на эти юные, бледные от страха, но полные решимости лица, Северус Снейп впервые признал, что «маленькие горные тролли» не лишены достоинств. Профессора Локхарт и Флитвик взяли на себя боевую подготовку, а Четвёрка Основателей вызвалась направлять их. Мастер зелий вместе с одарёнными учениками дни и ночи напролёт готовил военные составы, в то время как профессор Стебль со своими подопечными выращивала боевые и защитные растения. Сивилла Трелони, чьи уроки многие считали бесполезными, вместе с младшекурсниками заготовила сотни хрустальных шаров, иронично окрестив их «магическими гранатами». Убойная мощь этих снарядов поразила даже бывалых магов. Мадам Хуч тем временем тренировала квиддичистов, обучая их методам воздушной бомбардировки наземных целей.

Настоящей неожиданностью для Дамблдора стало появление Николаса Фламелья с супругой. Легендарный алхимик заявил, что на закате своего долгого пути желает совершить нечто по-настоящему значимое. Вместе с профессором древних рун Фламель начал выстраивать по всему периметру школы сложнейшие атакующие и защитные массивы. Его жена Перенелла, будучи выдающимся целителем и мастером по снятию проклятий, стала неоценимым подспорьем для мадам Помфри.

Домовые эльфы Хогwartса проявили небывалое рвение. Они следили, чтобы ни один студент или профессор не свалился от истощения, вовремя подавая питательную еду. Гермиона, которая в Старом особняке Блэков успела оценить уникальную магию этого народа, предложила Дамблдору сформировать из эльфов патрульные отряды для слежки за окрестностями. Директор с радостью одобрил идею. Когда домовики услышали, что им доверено защищать школу, многие не смогли сдержать слёз радости. Нынешняя Гермиона больше не была той наивной девочкой, мечтающей о формальной «свободе» эльфов; теперь она понимала, что их истинная сила — в любви к дому и преданности.

Обитатели Запретного леса тоже не остались в стороне. Кентавры прислали своего представителя, сообщив, что в случае атаки на Хогwartс они выступят на стороне школы. Это удивило Дамблдора — лесной народ редко вмешивался в дела людей. Однако такая поддержка была очень кстати: Запретный лес превращался в мощную линию обороны.

Геллерт Гриндевальд, опасаясь, что бесчинства Волдеморта в мире маглов вызовут волну ненависти к волшебникам, предложил Дамблдору встретиться с британским премьер-министром. Для Геллерта, имевшего опыт участия в мировых войнах, наладить такой контакт не составило труда. Премьер-министр, уже знакомый с магическим миром через официальные каналы связи, принял их без лишних вопросов. После ночи переговоров он пообещал, что если Волдеморту сунется в мир маглов, его встретит регулярная армия с тяжёлым вооружением. Дамблдор, в свою очередь, обязался предоставить магическую поддержку. Однако просьбу премьер-министра о совместных исследованиях врачей и мастеров зелий в области неизлечимых болезней Дамблдор сразу не принял, сославшись на «сложный характер» магических гениев.

На самом деле Альбус опасался шпионажа. Если магический мир полностью раскроется, волшебники, учитывая численность маглов, окажутся в уязвимом положении. Гриндевальд поддержал его: в своё время он видел слишком много «учёных», мечтавших превратить магов в подопытных кроликов. Два старых волшебника долго обсуждали этот тупик с Основателями, пока Геллерт, уже знавший тайну Гарри и Драко, не предложил спросить совета у Избранного. Гарри, переживший послевоенное восстановление в будущем, наверняка знал, как сложились отношения с маглами позже.

Всю неделю, пока мир готовился к войне, Драко не отходил от постели Гарри. Мадам Помфри, осматривая пациента, то и дело срывалась на гневные тирады, и Малфой слышал каждое слово: Круциатус, магическое и физическое истощение, следы тёмных проклятий... Драко не понимал, как ему удаётся сдерживать ярость и леденящий ужас. Ещё в больничном крыле, видя нерешительные взгляды Невилла и Гермионы, он почуял неладное. Но тогда он не

решился спрашивать, послушно следуя распоряжениям Дамблдора.

Сжимая руку Гарри и глядя, как тот морщится во сне после очередной порции зелий, Драко вдруг поймал себя на странной мысли. В прошлой жизни Поттер бесщётное количество раз оказывался на больничной койке. Обычно Гермiona, захлёбываясь слезами, накладывала чары, а он, Малфой, стоял у котла, проклиная безрассудство Гриффиндора и тщательно выверяя состав лечебного варева. Почему он никогда не задумывался, откуда в нём столько злости? Только теперь, глядя на бледное лицо друга, он понял: за той яростью и колким сарказмом скрывался панический страх потерять его.

Этот несносный «зеленоглазый лев» никогда не умел беречь себя. Круциатус... В той жизни Гарри часто ловил это заклятие, но всегда терпел до последнего, пока не будут перевязаны все раненые и составлены планы. И только потом, бледный как полотно, тайком просил у Драко обезболивающее. Малфой неизменно огрызался, всучивая флакон, а Гарри лишь криво усмехался и советовал «поработать над вкусом». Чёрт возьми, это ведь лекарство, а не сливочное пиво! Кажется, именно тогда Драко понял, почему Северус всегда делал свои зелья такими отвратительными на вкус — чтобы эти идиоты запомнили горечь и больше не подставлялись.

— Глупый лев, чёртов Шрамоголовый... У тебя же был портключ, почему ты не ушёл вместе со всеми? Неужели думал, что твоё двенадцатилетнее тело выдержит то же, что и старая, закалённая в боях оболочка? Ты хоть понимаешь, как я... — Драко запнулся, погладив Гарри по волосам. — Ладно, ты всегда был таким. Оставляешь безопасность другим, а сам бросаешься в пекло. Гарри, ты просто невыносимый придурок.

— Прости...

Слабый голос заставил Драко вздрогнуть. Гарри смотрел на него с тихой виноватой улыбкой.

— Ты очнулся, Гарри! Где болит?

— Уже лучше, просто поспал подольше. Но вкус во рту... Мадам Помфри и профессор снова «улучшили» рецепт? — С помощью Драко Гарри приподнялся на подушках, морщась от неприятного послевкуся.

Драко, достав палочку для диагностических чар, старательно делал вид, что его не трогает этот вид «несчастливого и обиженного героя». Убедившись, что состояние стабильно, он всё же одарил Поттера тяжёлым взглядом.

— Не хочешь пить гадость — не подставляйся под проклятия. Ты думал, это сок из тыквы?

— Ха... — Гарри негромко рассмеялся, и хотя сил было немного, он легко поймал руку Драко. — Кажется, раньше ты говорил мне ровно то же самое, когда я приходил к тебе за зельями в подземелья.

— Видимо, уроки не пошли впрок, — буркнул Драко, чувствуя, как тревога окончательно отпускает сердце. — Я думал, ты перерос своё безрассудство. Зачем было ввязываться в дуэль с этим безумцем, зная, что ты на пределе?

Улыбка Гарри погасла. Он помрачнел от холодной ярости, а его пальцы, сжимавшие руку Драко, непроизвольно задрожали. Малфой сразу всё понял. Разрушенная статуя, осквернённая память... Он проклял себя за глупый вопрос.

— Знаешь, Драко... После войны я почти не спал. Когда становилось совсем неважно, я уходил в Годрикову Впадину. Мог всю ночь простоять у памятника родителям. Глядя на них, на эту атмосферу тепла и семьи, я убеждал себя держаться. У меня уже никогда не было бы такого дома, но я знал, что ради выживших стоит продолжать. Чтобы у них был шанс на это тепло.

Ярость ушла, сменившись щемящей тоской. Гарри смотрел в пустоту, и голос его звучал пугающе отрешённо.

— Глупый... — Драко притянул Гарри к себе, крепко обнимая. Ему было почти физически больно слышать это. — Даже если этот урод разрушил камень, мы построим новый мемориал. И у тебя будет семья, настоящая, тёплая... Я обещаю, ты ещё будешь ворчать от того, как много людей тебя опекают. И больше не смей говорить, что тебе некуда пойти, кроме кладбища. Ты что, совсем меня не замечаешь?

Чувствуя сильное, ровное сердцебиение Драко, Гарри наконец расслабился. Да, теперь он не один.

Дамблдор и Гриндевальд, вошедшие в палату, замерли на пороге, не желая разрушать этот момент тишины. Геллерт молча приобнял Альбуса за талию, игнорируя его смущённый взгляд, и одними губами произнёс: «Я рядом». Старый директор перестал сопротивляться, глядя в глаза человеку, который пронёс свою привязанность через десятилетия. Заметив, что мальчики уже смотрят на них, Дамблдор слегка стушевался, бросил на Геллерта короткий взгляд и подошёл к кровати.

— Гарри, ты проспал целую неделю, — он наколдовал стул и присел рядом, быстро проверяя состояние ученика. — Твоё выздоровление — лучшая новость за эти дни. Надеюсь, впредь ты будешь осторожнее. Ты гораздо важнее для нас, чем Том.

— Профессор, я ведь не пропустил начало войны? — Гарри отстранился от Драко и сел ровнее.

— Ты вовремя. Нам как раз нужен совет по одному непростому делу. Но сначала поешь.

Пока Гарри медленно ел принесённый домовиками бульон, Дамблдор изложил суть проблемы:

— Мы с Геллертом встречались с премьер-министром маглов. Мы достигли соглашения о поддержке, но одно их условие вызывает у нас опасения. Они хотят создать совместную группу из своих врачей и наших мастеров зелий для изучения болезней. Мы боимся, что это может быть опасно для магического мира.

Гарри отставил чашку, задумавшись.

— На самом деле в будущем такое сотрудничество стало нормой, — заговорил он после паузы.

— Приюты для маленьких магов работали с экспертами по образованию, хотя те и не знали всей правды, считая нас коллегами из частных школ.

— В своё время я сам инициировал сотрудничество больницы Святого Мунго с магловскими клиниками. Мы помогали ветеранам войны справиться с психологическими травмами. Оказалось, что сочетание магловской психологии и нашей магии даёт поразительные результаты. Понимаете, настоящим учёным плевать, магия это или биология — их волнует только решение задачи. Между целителями и врачами даже началось своего рода соревнование в мастерстве. Это не опасно, наоборот — это лучший способ научить два мира понимать друг друга.

— Профессор, я понимаю ваши страхи. Шпионы, угроза войны... это логично. Но мыслить так — значит ограничивать себя. Маглов — миллиарды. Мы не можем вечно прятаться. В моё время существовала «Организация Объединённых Наций» — ООН. Это международная структура, которая следит за миром и развитием. Через неё решаются конфликты, заключаются торговые союзы.

— Мы можем использовать правила их же мира в своих интересах. Изоляция — путь к вымиранию. Нам нужны их технологии, их идеи. Мы можем проверять всех присланных специалистов через наших сквибов, живущих в их мире. Если обнаружим шпиона — заявим протест или применим магию. К тому же, у многих наших аристократов есть активы в мире маглов. Экономическое давление порой эффективнее заклятий. Если бизнес объединится против правительства, никакая армия не поможет. Деньги — это ахиллесова пята любого государства.

Дамблдор и Гриндевальд переглянулись в молчании. Драко протянул Гарри стакан воды, согласный с каждым словом. Он и сам понимал: магический мир больше не может оставаться статичным, пока маглы стремительно прогрессируют.

Геллерт был впечатлён. Он знал об ООН, но никогда не думал о ней как об инструменте влияния для волшебников. Взгляд Гарри на мир был гораздо шире и масштабнее, чем у любого мага его поколения.

Дамблдор чувствовал гордость, смешанную с острой горечью. Перед ним сидел ребёнок, вынужденный мыслить как стратег и политик из-за бесконечных войн. Он чувствовал, что задолжал этому мальчику слишком много.

— Гарри, я горжусь тобой, — мягко сказал Альбус. — Твои доводы убедительны. Я приму предложение премьер-министра. А теперь давай обсудим, что произошло за эту неделю...

Тем временем Волдеморт рвал и метал в своём временном убежище. Заявление Министерства, предательство Люциуса, открытая враждебность слизеринцев — всё это приводило его в бешенство.

Но хуже всего было другое: он не мог призвать своих слуг. Чёрная метка не слушалась, связь со многими Пожирателями, включая Северуса Снейпа, была разорвана. А ведь Мастер зелий был ему жизненно необходим — душа Волдеморта была нестабильна, а магические силы колебались.

В схватке с Поттером Тёмный Лорд с ужасом осознал, что его магия даёт сбои. Мощнейшие проклятия срабатывали вполсилы или давали непредсказуемый эффект. Он надеялся, что это временный побочный эффект после поспешного поглощения осколков души, но ситуация лишь ухудшалась. Любое использование тёмной магии отзывалось в нём невыносимой болью, словно саму его суть разрывали на части.

Среди тех, кто остался с ним, не было никого, кто смыслил бы в целительстве или высшей светлой магии. Хвост был лишь посредственным семикурсником, а Белла... Белла была безумна. Она наслаждалась даже его вспышками боли, принимая их за высшее проявление силы.

Теперь Волдеморт понимал: ловушка в Хогвартсе, огонь на пути к камню — всё это было частью чьего-то плана. Его планомерно ослабляли. И теперь, без лекарей и верных слуг, он оказался заперт в собственном теле, которое медленно разрушалось. Тёмный Лорд был в ярости, но впервые в жизни он не знал, что делать дальше.

<http://bllate.org/book/17565/1705679>